

Когда мы с ней молча сидели, опустив головы и попивая чай, раздавшийся вдруг окрик привратника чуть не заставил меня поперхнуться:

— Доклад Вашему Высочеству, прибыл императорский указ!

Стоило мне покинуть дворец, как тут же подоспел указ — с чего бы это?

Что за срочное дело не могло подождать до моего ухода, обязательно понадобилось объявлять его только после моего возвращения в резиденцию?

Судя по всему, утреннее заседание только что завершилось... неужто это награда за вчерашнее спасение императора?

Или же она внезапно вспомнила о моих связях с Гуйцзюнем Сюем и теперь хочет предать меня суду?

Эта последняя мысль заставила меня встревоженно опустила чашку на стол и замереть в ожидании приближающегося гонца.

Прибывшей для оглашения воли оказалась та же самая чиновница Ху с продолговатым лицом, что и в прошлый раз. Поскольку мы уже были знакомы, я не стала напускать на себя хмурый вид, а лишь кивнула ей и осталась сидеть на прежнем месте, ожидая, пока она зачитает указ.

В ее руках не было ярко-желтого шелкового свитка. Она просто откашлялась и с серьезным видом произнесла:

— Императорский указ гласит: за выдающиеся заслуги в защите августейшей особы пожаловать княгине Лин тысячу лянов золота, десять тысяч лянов серебра, двадцать ушатов восточного жемчуга, десять нефритовых поясов и — тридцать красавцев и красавиц. Поздравляю княгиню Лин.

Хотя я и предполагала, что будет какая-то награда, в самых страшных снах не могла представить, что пожалуют *такое*.

Я порадовалась, что успела поставить чашку на стол и не уронила ее от неожиданности, но, встретившись взглядом с чуть льстивой улыбкой чиновницы Ху и насмешливыми глазами Янь Кэ, поняла: принять эту милость с невозмутимым лицом будет непросто.

Деньги, драгоценности — с этим еще можно смириться, но откуда взялись эти тридцать человек?

— Ваше Высочество? Ваше Высочество? — Янь Кэ легко коснулась тыльной стороны моей ладони, возвращая меня из состояния шока в реальность.

Встретившись с лицом чиновницы Ху, которое едва ли не сводило судорогой от улыбки, я через силу выдавила из себя подобие ухмылки:

— Эм-м, благодарю... благодарю за императорскую милость?

Разве так положено отвечать при принятии указа?

Нужно встать или опуститься на колени?

Но в прошлый раз я не стала кланяться, а сейчас всего лишь устная воля — пожалуй, и на этот раз можно обойтись?

Думаю, с характером Куан Сихань даже отсутствие поклонов сойдет ей с рук.

К счастью, чиновницу Ху несколько не смутила моя окоченевшая фигура. Похоже, для нее было главным побыстрее выполнить поручение Куан Сицин и убраться восвояси:

— Императорская награда и те тридцать красавцев и красавиц ждут во внутреннем дворе. Желает ли Ваше Высочество взглянуть на них?

— Взглянуть?

Почему от этого веет какой-то работоторговлей... От подобных ассоциаций на душе стало неприятно, а выражение моего лица сделалось еще более холодным.

— С этим спешить не стоит, Ваше Высочество ведь еще не завтракали, — заметив мое помрачневшее лицо, Янь Кэ тут же с улыбкой перехватила инициативу. — Все дары велено отнести на склад, а что до тех тридцати человек, отправьте их пока во Дворец Охвата Луны отдохнуть.

— Раз так, эта служанка посмеет откланяться.

Чиновница Ху не стала настаивать, отвесила поклон и удалилась.

Приведенные ею люди последовали за ней вереницей, и во дворе остались лишь два до отказа набитых подарками сундука да толпа смазливых лиц. В щель между закрывающимися воротами я бросила косой взгляд и почувствовала, как затылок покрывается мурашками.

— Ваше Высочество, ни в коем случае не поддавайтесь на уловки императора, — едва чиновница Ху скрылась, Янь Кэ помрачнела и произнесла с глубоким смыслом: — Какие это тридцать красавцев? Это же тридцать затаивших злой умысел шпионов!

— Ттушка Кэ абсолютно права, — поддакнула я. Хотя мне и казалось, что всё не так страшно, как она малевала, я все же опасалась этой пестрой толпы. Бросив беглый взгляд, я успела заметить среди них не только ярко покрашенных мужчин, но и хрупких, гнущихся подобно ивам на ветру девушек.

Что на уме у этой Куан Сицин?

Искренний дар или очередная проверка?

Если проверка, то какова ее цель?

А если нет... неужели в ее глазах Куан Сихань — всеядна и берет всех подряд?

Хотя, судя по крупицам доставшейся мне памяти, так оно и было на самом деле. Но знать об этом одно, а мириться с таким положением дел — совсем другое. В глубине души я злилась на столь непредсказуемый шаг Куан Сицин... и, пожалуй, за этим скрывалась капля обиды и досады от того, что мне не доверяют и меня не понимают.

— Впрочем, если подумать, Ваше Высочество действительно доросли до того возраста, когда пора заводить законного супруга, — сменив тон, продолжила Янь Кэ. — Сейчас главное — поправить здоровье, как можно скорее обзавестись потомством и продолжить род. А к тем мальчикам из Дворца Охвата Луны заглядывать время от времени не возбраняется, только оставьте свои прежние странные увлечения и ведите себя подобающе, соблюдая приличия.

Выходит, она поощряет мои визиты к этим наложникам?

Но слышать подобное от нее было ужасно непривычно.

Стоило представить разодетых в красное и зеленое юношей с незрелыми лицами, на которых проступала не по годам фальшивая зрелость, а порой и наигранное кокетство, как у меня начинало щемить сердце — казалось, старый недуг Куан Сихань снова дает о себе знать.

Позавтракав и не найдя себе иного занятия из-за наставлений Янь Кэ, я бесцельно блуждала по саду и сама не заметила, как оказалась перед Дворцом Охвата Луны, где жили наложники. Наверное, сказалось то, что Павильон Слушания Снега, где поселилась Цзян Чжо, находился неподалеку.

— Желает ли Ваше Высочество навестить новоприбывших красавцев? — заметив, что я застыла на месте в нерешительности, Сяо Чань тихонько шепнул мне на ухо.

Я в душе вовсе не желала встречаться с этими юношами и девушками. Но, подумав немного, вспомнила: раз уж Куан Сицин прислала их сюда в качестве подарка, их статус изначально ниже моего. Если я еще и покажу свое отвращение, жизнь во дворце станет для них невыносимой, а на это я пойти не могла.

В конце концов, все они — лишь невинные жертвы императорской системы.

— Что ж, пойдем взглянем.

Кивнув, я молча согласилась на предложение Сяо Чань. Увидев, как слуга побежал во дворец с докладом, я неспешно последовала за ним.

В памяти Куан Сихань почти не осталось воспоминаний о Дворце Охвата Луны — судя по всему, она бывала здесь нечасто. Этот огромный дворец напоминал изысканную птичью клетку, запиравшую в себе молодость юношей и их заветные желания. Даже хозяйка этой золотой тюрьмы, сама Куан Сихань, вряд ли обладала истинной свободой.

— Управляющая Дворца Охвата Луны Вэнь Жу приветствует Ваше Высочество.

Молодая женщина первой вышла нам навстречу. Миндалевидные глаза, персиковые щеки, алые губы и белые зубы — вид у нее был чрезвычайно сообразительный. Позади нее послушно выстроилось в несколько рядов множество людей, чьи пестрые, соперничающие в яркости наряды выдавали в них тех самых новичков.

— Мм.

Я кивнула, давая знак продолжать. Внешне я держалась сдержанно и равнодушно, но в душе безумно страдала от чересчур восторженных взглядов, устремленных на меня отовсюду. При мысли о том, что этим юношам и девушкам едва исполнилось по пятнадцать-шестнадцать лет, раздражение сменялось странным чувством вины — хотя телу, в котором я находилась, едва ли перевалило за двадцать.

— Эти четверо постарше, поэтому они представят Вашему Высочеству остальных.

Неожиданно она изменила план и вытолкнула вперед четырех человек, стоявших во главе толпы.

— Эта служанка, Люйло.

— Эта служанка, Хунсяо.

— Эта служанка, Цзыи.

— Эта служанка, Байци.

— Приветствуем княгиню Лин, да пребудет с Вами благополучие.

Четверо по очереди поклонились и представились, выдержав интервалы с безупречной точностью — явно были обучены. Люйло и Хунсяо оказались смазливými юношами, а Цзыи и Байци — миловидными девушками.

Их имена образованы от разных цветов, запомнить легко... Неужели и остальные тридцатеро носят такие же имена?

У меня не было уверенности, что я сумею запомнить их все, я даже сомневалась, смогу ли различить стоящих передо мной четверых.

— Эм, прекрасно... — поймав полные надежды взгляды толпы, я поняла, что обязана что-то сказать. — ...Наградить! Всех наградить!

Повернувшись к Сяо Чаня, я шепотом приказала:

— Ступай в мою сокровищницу, вели вынести несколько сундуков с золотом и серебром и раздай им.

Я знала, что у Куан Сихань есть огромная сокровищница, где хранилось столько диковин, что на их осмотр не хватило бы и целого дня.

— Управляющая Вэнь Жу, распределишь награды между ними. А у меня есть дела, я пойду.

Побыв там всего мгновение, я уже захотела сбежать. От этих взглядов мне казалось, будто меня положили на разделочную доску, ощущение было мерзким.

Чего они хотят от меня получить?

Вечной милости? Превосходящего других богатства? Или чего-то более конкретного — скажем, ребенка, способного унаследовать кровь и титул Куан Сихань, как и намекала Янь Кэ?

Но что я могу им дать?

Равнодушие? Холодность? Обман?

Нет, кроме базовых материальных гарантий и сытой жизни, я не могла дать им ничего.

— Счастливого пути, Ваше Высочество.

Под предводительством Вэнь Жу все низко поклонились, провожая меня взглядами. Чувствуя спиной тяжесть этих глаз, я невольно ускорила шаг.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество, это же не дорога назад! — семена маленькими шажками рядом со мной, тихонько напомнил Сяо Чань.

— Я знаю, — бросив на него косой взгляд, я продолжала идти своей дорогой, даже не думая оборачиваться.

За Дворцом Охвата Луны расходились две тропинки: одна вела в сторону моих покоев, а вторая — к Павильону Слушания Снега, где жила Цзян Чжо.

Когда Янь Кэ уводила меня оттуда, всё произошло слишком быстро, и я не успела с ней поговорить. Я и сама не понимала, зачем иду туда и что скажу при встрече, но мои ноги сами собой понесли меня в уже знакомое место, словно обретя собственную волю.

Стоило обойти экранирующую стену у переднего двора, как до слуха донесся рассекающий воздух свист клинка. В памяти мгновенно всплыли сцены недавнего покушения на банкете, мускулы напряглись сами собой, а старые раны под одеждой слегка заныли. В следующий миг перед глазами возникла изящная фигура Цзян Чжо, танцующей с мечом.

Жестом остановив Сяо Чаня и отослав следом шедших слуг, я молча замерла на месте, не в силах оторвать от нее глаз. Я ничего не смыслила в боевых искусствах, но ее движения казались мне легкими и красивыми: трехфутовый синий меч в ее руках словно ожил, двигаясь легко, гибко и устрашающе.

Однако в этих рубящих и колющих ударах мне почудилась неуловимая печаль... хотя, возможно, это была лишь игра моего воображения.

Прошло около палочки благовоний, прежде чем она вложила меч в ножны, вытерла пот со лба и повернулась ко мне, слегка кивнув, словно только что заметив мое присутствие:

— У Вашего Высочества есть дело?

— Э-э, угу... — я опешила от ее вопроса. В голове промелькнули слова Куан Сицин, и я тут же выпалила: — Верно, я пришла сказать тебе — тебя официально зачислили в штат дворцовой охраны, теперь ты часть моей резиденции.

— ...Благодарю за столь щедрую заботу Вашего Высочества.

Тон ее был ровным — она не выказывала ни радости, ни недовольства, лишь брови на миг едва заметно сошлись на переносице, заставив мое сердце подпрыгнуть.

— Раз уж ты теперь стражница резиденции, жить возле Дворца Охвата Луны больше не подобает... — глядя ей в глаза, я медленно произнесла мысль, только что озарившую мою голову.

— И что же имеет в виду Ваше Высочество? — выгнув бровь, спросила она.

— Я решила перевести тебя в один из дворов во флигеле Дворца Чэньси.

Едва слова сорвались с губ, я шумно выдохнула и с замиранием сердца стала ждать ответа.

Дворец Чэньси — главные покои в самом сердце резиденции княгини Лин... личные покои самой Куан Сихань.

18. Утреннее заседание

Она удивленно взглянула на меня, будто взвешивая что-то про себя. Эта пауза на раздумья показалась мне более напряженной, чем прохождение собеседования при приеме на работу.

Я проявила излишнюю настойчивость?

Или она меня ненавидит и вовсе не хочет становиться моей охранницей?

Выходит, я навязываюсь?

От ее молчания в моей голове зароилась тысяча дурацких мыслей.

— Подчиняюсь приказу, — наконец ответила она легким поклоном. Лицо ее оставалось спокойным — ни радости, ни тени принуждения.

Уголки моих губ сами собой поползли вверх, и я с трудом сдержала улыбку.

Погодите-ка, она ведь впервые назвала себя подчинённой в моем присутствии! Это она наконец признала меня своей госпожой или нарочно подчеркнула это, чтобы провести черту между нами?

— Кхм, отлично, — отогнав безумные мысли, я лихорадочно принялась искать тему для разговора, но с горечью поняла: я ничего не знаю о ее прошлом, не ведаю ее вкусов, и даже простая беседа дается мне с трудом, не позволяя сохранять душевное равновесие. — Ну... раз

больше дел нет, я пойду...

— Счастливого пути, Ваше Высочество.

Она кивнула, но останавливать меня не стала.

Молча вздохнув, я заставила послушно переставлять ноги, казалось, приросшие к земле.

Иной раз я и сама себя не понимала: с чего вдруг мне так возиться с этой холодной, точно бездна, женщиной? Неужели на меня так повлияло это тело, пробудив тягу к прекрасным девам?

Но ведь к ослепительным наложникам меня совершенно не тянуло — включая те тридцать подарков от Куан Сицин.

Пожалуй, я просто слишком одинока и жажду кого-то, кому можно излить душу, друга, с которым удастся разделить секреты.

Цзян Чжо была именно тем человеком, к которому мне хотелось приблизиться, но, судя по всему, сама она этого не разделяла.

Дальнейшие дни текли тихо и однообразно: я слонялась по резиденции, наслаждаясь властью и богатством княгини Куан Сихань, горстями глотала целебные отвары и снадобья, восстанавливая силы, изредка выслушивала нравоучения Янь Кэ и заглядывала во Дворец Охвата Луны. Если закрыть глаза на душевную пустоту и тоску, жизнь была не так уж плоха.

Пожалуй, единственной отрадой стало то, что после переезда Цзян Чжо во Дворец Чэньси я каждое утро могла любоваться ее тренировками с мечом. И пусть сначала она игнорировала меня, теперь они все чаще перебрасывались парой фраз. Хоть она по-прежнему больше молчала, мне и этого хватало — разве не так строятся дружеские отношения?

В одно прекрасное утро, когда я еще сладко спала, чй-то мягкий бормочущий голос у самого уха постепенно вытащил меня из царства снов.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество...

Я открыла глаза и увидела прекрасное, но вечно ледяное лицо Янь Кэ — только перед Куан Сихань она умела улыбаться так тепло и ласково.

— Ттушка Кэ? Что случилось?

Протерев глаза, я глянула на небо: до моего обычного часа подъема было еще далеко. Что же стряслось?

Судя по характеру Янь Кэ и ее баловству по отношению ко мне, без крайней необходимости она бы ни за что не сократила время моего сна.

От этой мысли я мгновенно посерьезнела.

— Неужели Ваше Высочество забыли? Сегодня пятое число, Вам положено присутствовать на утреннем заседании.

Увидев, что я приподнялась, она знаком подозвала Сяо Чаня, чтобы тот помог мне умыться и одеться.

— Хотя император под предлогом Вашего слабого здоровья освободила Вас от половины собраний, она не может отнять у Вас право участвовать в государственных делах. Раньше Вы хворали, сил не хватало, а теперь самое время вернуться в правительство.

Выходит, стоило мне выздороветь, как началась жизнь в режиме ежедневного отмечания на работе?

Пусть меня и освободили от половины совещаний, но пять дней из десяти тащиться в императорский дворец — это куда хуже, чем выслушивать нудные речи седого директора на еженедельной пятничной линейке. В школе твоя работа сводится к бумажкам да отчетам, а на утреннем заседании решаются судьбы государства, затрагиваются интересы всего народа, и я не была уверена в своих силах ни на йоту.

Еще больше удручало то, что при склонности Куан Сихань плевать на законы и творить всё, что вздумается, она, судя по всему, никогда не пропускала собрания, если только не умирала, прикованная к постели. Это лишало меня любых отговорок, чтобы откосить.

Парадный наряд и головной убор княгини выглядели куда вычурнее и роскошнее обычной одежды, но высокий воротник и тугой пояс так сдавливали грудь, что мне едва хватало воздуха. Краем уха выслушивая старую песню Янь Кэ о том, что надо ценить жизнь и держаться подальше от Куан Сицин, я рассеянно кивала, втайне сожалея об одном: сегодня я, пожалуй, пропущу тренировку Цзян Чжо.

Интересно, будет ли она скучать, обернувшись и не обнаружив привычного зрителя?

...Или испытает хоть капельку разочарования?

Кое-как позавтракав, я забралась в карету и помчалась во дворец. Несмотря на все старания слуги вести экипаж плавно, легкая тряска все равно вызывала тошноту.

Когда я чудом добралась до дворца к первому часу кролика, то, не будь тело Куан Сихань столь хрупким, бросилась бы во Дворец Миндэ без оглядки на приличия.

Стоило мне переступить порог главного зала, как до слуха донесся звонкий голос цензора, вовсю критикующего какого-то презревшего императорскую милость и распоясавшегося члена императорской семьи. Судя по тому, с каким странным выражением окружающие покосились на меня, можно было с уверенностью сказать: этим самым пресловутым чиновником, скорее всего, являлась печально известная княгиня Лин — то есть я.

И точно: когда разошедшийся цензор закончил свою пылкую речь и, возвращаясь в строй, ненароком бросил взгляд на застывшую в дверях меня, на ее исполненном праведного гнева лице на мгновение промелькнуло смущение. Вероятно, в ту самую секунду она вспомнила, какой всемогущей особой крови была та самая княгиня Лин, которую она только что отчитывала, и какой злопамятной мелкой душонкой та славилась.

Пожалуй, то, что я заняла тело Куан Сихань, пошло ее прошлым недоброжелателям только на пользу: по крайней мере, я вряд ли помнила старые обиды и уж точно не владела ее жестокими методами.

— Доклад Вашему Величеству, княгиня Лин открыто опаздывает на утреннее заседание, выказывая пренебрежение и к двору, и к самому императору! Прошу приговорить ее за неуважение к высшей власти!

Стоило цензору вернуться в строй, как из рядов выступил более молодой сослуживец и с презрением и отвращением уставился на меня.

Тяжело вздохнув, я поплелась к передним рядам гражданских чиновников. Но, заметив, что все смотрят на меня как на прокаженную, сообразила: сделала что-то не то, резко развернулась и зашагала к шеренге военных.

К моему величайшему удивлению, военачальники уставились на меня точно с таким же испуганным брезглижением, из-за чего мне пришлось резко замереть на месте.

В чем дело?

Ни гражданские, ни военные — что мне теперь, стоять на проходе посредине?

Я растерянно застыла на месте, ощущая себя загнанной в тупик и совершенно потеряв голову.

— Княгиня Лин, утреннее заседание — не место для капризов! Живо возвращайся на свое место.

Голос Куан Сичин вовремя вытащил меня из неловкого положения. Пусть ее тон звучал строго,

она фактически спасла меня от позора — теперь я хотя бы узнала, где положено находиться Куан Сихань.

Под предводительством У Яо я прошла к резному креслу из красного дерева, стоявшему прямо под императорским возвышением. Не ожидал никто, что у Куан Сихань такие привилегии: даже на утреннем заседании она сидела рядом с императором в качестве наблюдательницы. Неудивительно, что чиновники смотрели на меня с лютой ненавистью — ведь именно привилегии и неравенство легче всего вызывают народный гнев!

— Довольно, продолжаем заседание. Есть ли у почтенных министров еще доклады?

<http://bllate.org/book/21773/2251644>